Анна Берсенева

КРИСТАЛЛ АВРОРЫ

Роман

Трилогия «Сады Сокола»

Книга вторая

Что делать человеку, если лучшее время его жизни совпало со временем краха всех иллюзий в обществе? Об этом думает в двадцатые годы XXI века Нэла Гербольд — умная, образованная, выросшая в поселке Сокол, гнезде московской интеллигенции. Она вдруг сознает, что ее жизнь рушится не только в связи с личными обстоятельствами, как это ей казалось. Ровно сто лет назад, в разгар нэпа, инженер Леонид Гербольд, прадед Нэлы, построил в Соколе дом в надежде на счастливое будущее, но человеконенавистнический «великий перелом» уничтожил его счастье. И вот век спустя Нэла Гербольд стоит на пороге нового перелома времени.

Анна Берсенева (Татьяна Александровна Сотникова). Кристалл Авроры. Роман. Трилогия «Сады Сокола» Книга вторая. 2025 г.

Содержание

ЧАСТЬ I

ЧАСТЬ II

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Ну и вид у меня… Картина Эль Греко!»

Собственное лицо — осунувшееся, с устало поблескивающими длинными глазами — так смутило Нэлу, что она вглядывалась в него до тех пор, пока девчонка с розовыми волосами довольно бесцеремонно не отодвинула ее от зеркала, и, вздрогнув от этого, она не вспомнила, что туалет берлинского аэропорта не лучшее место для созерцательных размышлений.

Многие ругали аэропорт Тегель, а Нэла его любила. По той же причине, по какой любила и Берлин — потому что все живое и необычное так или иначе оказывалось здесь хотя бы ненадолго. И потому что это был город ее молодости.

К молодости своей она сюда и приезжала, собственно; дружба с Марион была главным, что осталось от студенческих лет.

В приглашении, которое Нэла получила еще зимой, было сказано, что если друзья окажутся в Берлине в июне, то Марион и Пауль будут рады видеть их на своей свадьбе, что праздновать будут у озера Ванзее, гости могут снять номер рядом в отеле за собственный счет, а если кто-то хочет сделать подарок молодоженам, то пусть переведет деньги благотворительному фонду, помогающему интеграции беженцев. Нэла улыбнулась, прочитав этот текст; вся Марион с ее сердечностью и прагматизмом была в нем. Она ответила, что приедет обязательно, перевела беженцам сумму, равную стоимости чайного сервиза, а номер бронировать не стала: дорого выходило у озера, обошлась съемной комнатой неподалеку от Александерплац.

Приехав в Берлин, она тем же вечером пошла к Шпрее, долго сидела на парапете, глядя на рябь городских огней, скользящих по поверхности воды, на темные стремительные струи в глубине, и думала, важные или неважные вещи происходили с нею вот здесь, у этой самой реки, на этом самом месте.

Гостей оказалось человек двести. Их количе ство сильно удивило Нэлу: ироничность была при суща Марион в высшей степени, а между тем устрой ство такой свадьбы явно требовало не только не иронического, но даже слишком серьезного под хода к делу. То есть Марион, конечно, умела подхо дить к делам серьезно, и это еще мало сказать умела, но Нэла полагала, что свадебное торжество не относится в глазах ее подруги к числу таких дел. Но вот ошиблась, значит, хотя и была уверена, что разбирается в тонкостях немецкой жизни. В общем, она очень удивилась, увидев накрытые белоснеж ными скатертями длинные столы, сияющие мельхи оровые приборы, цветочные гирлянды, украшаю щие веранду ресторана, и струнный ансамбль на лу жайке.

Жених с невестой после венчания приехали из церкви на велосипедах, Марион прихрамывала — оказалось, месяц назад лопнуло ахиллесово сухо жилие, когда она играла в теннис, — лицо у нее све тилось любопытством, которое Нэла так любила в

ней и все любили, платье цвета синьки с молоком шло к ее глазам, и выглядела она в нем молодо без малейшего старания казаться моложе.

И весь праздник получился такой какой-то тре петный и человечный — со сменяющимися мелоди ями скрипок и виолончелей, с солнечными пятнами на траве под старыми липами, с серебрящимся озе ром, со старинным отелем, над башенками которого графически кружились птицы, и с далеко разнося щимся вечерним колокольным звоном, — что Нэла чуть не заплакала, хотя сентиментальность была по следним качеством, которое она могла в себе пред полагать.

— Ты ведь еще не уезжаешь завтра и придешь к нам вечером? — спросила Марион, когда, натанце вавшись и наговорившись, гости начали разъез жаться. — Ах, Нэла, мы так давно не виделись с то бой!

— Сама удивляюсь, как это вышло, что мы так долго не виделись, — ответила она. — Конечно,

приду.

9

Марион с Паулем жили в Моабите. Они встретили Нэлу у метро и по дороге к своему дому — шли через старинный рынок под сводами, к вечеру уже почти пустой, — рассказывали, как два года назад долго искали квартиру, которая понравилась бы им обоим сразу, безоговорочно, и вот эта оказалась именно такая, и они ее сразу же сняли.

Дом был похож на тот, в котором Нэла с Марион снимали квартиру, когда учились в университете — многоэтажный, со внутренним двором-колодцем, со светлыми просторными подъездами и длинными лестничными пролетами. Если бы Нэлу попросили показать типичный дом старого Берлина, она отвела бы интересующихся прямо сюда.

— Ты, получается, и на улицу не выходила, пока у тебя нога в гипсе была? — спросила она, когда под нимались на пятый этаж; лифта в доме не было. — Фу-ух, даже я устала, так высоко!

— Но как я могла не выходить? — пожала пле

чами Марион. — Я ведь работала. Правда, от поез-

док в Бонн на некоторое время пришлось отка заться, но здесь, в Берлине, я все делала как обычно.

— На одной ножке, что ли, вниз прыгала? — Ну да. А Пауль нес за мной табуретку, и я от дыхала на каждой второй площадке. А когда вверх, то просто на каждой, — с обычной своей обстоя тельностью объяснила Марион.

— Ты феноменальная! — засмеялась Нэла. — Я вот даже не представляю, что могло бы меня заста вить прыгать на одной ножке с пятого этажа.

— Вот именно что не представляешь, — улыбну лась Марион. — Когда у тебя появится что-нибудь такое, ты запрыгаешь даже с десятого, я уверена.

«Что-нибудь такое» для Марион это, понятно, ра бота, и всегда так было. Еще в студенческие годы Нэла поражалась ее работоспособности, ей самой такая и не снилась, да что ей — таких, как Марион,

она даже среди немцев не знала, или, может, они учились не истории искусств.

11

При первом же взгляде на квартиру станови лось понятно, почему она могла понравиться сразу и безоговорочно: неординарность чувствовалась в самих ее очертаниях. Все комнаты соединены между собой странным, но удобным образом, про сторно, и потолки такие высокие, что кажется, вверху стоит светлая дымка, как под куполом со бора, а множество светлых же книжных полок уси ливают впечатление осмысленного и одухотворен ного пространства.

Стол был накрыт на балконе.

— Ты цветы выращиваешь? — удивилась, выйдя туда, Нэла. — Когда успеваешь только!

Длинные горшки с летними цветами — синими, белыми, алыми, желтыми — окаймляли весь широ кий балкон, а в отдельных больших вазонах росли фиолетовая гортензия и японский клен.

— Я вырастила гортензию и клен, — объяснила Марион. — Но в общем-то они растут сами, мне при ходится вносить удобрения и на зиму убирать их с

балкона в подъезд. Остальные цветы я просто поку паю каждую весну заново и сажаю в эти горшки. А потом только поливаю все лето. Или Пауль поли вает, когда меня нет.

Марион руководила фондом, который зани мался развитием прессы Германии и отчасти даже всей Европы; она объясняла подробно, но Нэла не очень поняла. Зато поняла, что, когда снесли Бер линскую стену, половина этого фонда переехала в новую столицу, а половина осталась в старой, и по этому Марион с понедельника до среды работает в Берлине, а с утра четверга до вечера пятницы — в Бонне, что в среду после работы она летит туда са молетом, а потом самолетом же возвращается в Берлин на выходные, чтобы утром в понедельник начать здесь очередную свою рабочую неделю.

Как Пауль относится к такому ее рабочему гра фику, можно было не спрашивать: раз живут вместе уже два года и решили пожениться, значит, его все устраивает. Но вот как женщина сорока лет может вести такую жизнь постоянно, не понимала даже

легкая на подъем Нэла. Впрочем, она понимала, что в Марион очень не напоказ и очень естественно со единяются такие черты характера и линии поведе ния, которые многим кажутся несоединимыми, а са мой Марион — вполне органичными. Среди этих черт Нэла давно уже научилась отличать те, кото рые присущи именно ее выдающейся подруге, от тех, которые вообще естественны для европейцев. Скептичность в отношении любых взглядов и при имчивость в восприятии любого образа жизни, даже самого странного, отсутствие догм и наличие прин ципов, религиозность и насмешливость с трудом совмещались в стороннем сознании. А между тем в Марион все это соединялось самым ясным обра зом, и такое сочетание не было ее личным, а как раз и было Европой, которую Нэла

любила, в которой чувствовала себя как рыба в воде, но не как дерево в лесу.

После ужина Пауль ушел к себе в кабинет — он преподавал оптическую физику в Университете Гум больдта и готовил новый лекционный курс, — оста вив жену с подругой предаваться воспоминаниям.

14

Балкон выходил во двор, в котором росли ста рые липы, их запах был таким сильным, каким он бывает только в июньском Берлине, и лишь запах росшей на балконе ночной фиалки стал сильнее его, когда сгустились сумерки.

— Ты надолго едешь в Москву? — спросила Ма рион. — Как ты думаешь, что там происходит?
Второй вопрос позволял не отвечать на первый, и это было хорошо, потому что ответа на первый во прос Нэла не знала. На второй, впрочем, тоже, но второй и не был для нее личным и значимым. — Заморозки происходят. — Она пожала пле чами. — Как при Николае Первом.

— Я не так хорошо знаю русскую историю, — за метила Марион. — Что было при Николае Первом?

Но все это так странно! Мне казалось, после того, что ваши люди узнали о репрессиях, и ведь они сами жили в советские годы так тяжело — эти страшные расстрелы невиновных, запреты всего, эти очереди, недостаток лекарств, просто еды… Я думала, они от шатнутся от этого навсегда. И вот теперь кажется,

что все возвращается снова, а они только радуются. Как это может быть?

— Ну, сами-то они при репрессиях не жили, — усмехнулась Нэла. — А про очереди уже не помнят. Они считают, тогда все было как сейчас, только бес платно и всем поровну.

— Я не верю, что взрослые люди могут так счи тать, — покачала головой Марион. — Ведь у них есть логика и память.

— А кто тебе сказал, что они взрослые? Инфан тильность пожизненная. А логика и память, как у ак вариумных рыбок.

— Но ведь ты сама не такая.

— Но большинство таких.

— Но откуда ты знаешь?

Когда Марион хотела что-то прояснить для себя, от нее было не отделаться.

— Ну, откуда! — вздохнула Нэла. — Что-то чув ствую, что-то… Просто знаю, и всё.

Она вспомнила, как прошлой зимой оформляла в Москве доверенность для мамы на всяческие дей-

ствия от своего имени, и нотариус, молодая элегант ная женщина с такой стрижкой, каких Нэла и в Па риже не видела, сказала, бросив взгляд в заинде вевшее окно:

— Какая зима в этом году холодная! Потому что американцы климатическое оружие изобрели и спе циально с Аляски погоду нам портят.

И вот попробуй объясни, что в этой стильно под стриженной головке творится. Да и зачем это объ яснять? Просто прими к сведению и держись по дальше.

— Мне очень грустно, Нэла. — В голосе Марион

действительно послышалась грусть; в ней вообще не было ни капли неискренности, и она не понимала даже, зачем неискренность может быть нужна чело веку. — У нас было много контактов с Россией, я ча сто бывала в Москве, ездила по всей стране, появи лись друзья… А теперь нам отказывают в совмест ных проектах, а в регионах нас даже боятся, как будто мы враги. Как это могло случиться, почему? Я

успела всё у вас полюбить… Главное, так много та лантливых людей! Почему же всё… так? — Не знаю, — улыбнулась Нэла.

«Я и почему у меня всё так не знаю, — подумала она при этом. — Что уж мне про других думать». — Мне очень, очень грустно, — повторила Ма рион. — Зачем ты говоришь, что это аквариумные рыбки? Я мало где встречала таких образованных, таких креативных людей, как в России, с таким быстрым и ярким умом. И не только в Москве — это вся страна очень талантливых людей. Ты сама зна ешь, какое у вас искусство.

— Достоевский и Чайковский уже умерли. При чем давно.

— Но есть и сейчас!.. Я слушала оперу в Новосибирске, это мировой уровень.

— То-то директора оттуда выгнали вместе с режиссером.

— Это и есть то, чего я не понимаю, — вздохнула Марион. — Как могли их уволить, почему? — Христа на афише авангардно нарисовали, вот и уволили.

— Ты меня троллишь?

— Будем считать, что да. — Нэла снова улыбнулась. — Маришка, я не хочу больше об этом думать. У меня одна жизнь, и я не могу ее посвящать размышлениям о том, что и почему делают ущербные люди.

Она разлила по бокалам оставшееся вино — рейнвейн, который Марион привезла из Бонна к своей свадьбе.

— Я видела твой альбом о виллах Палладио, — сказала Марион. — И знаешь, когда его читала, то

жалела, что не пишу об искусстве.

Альбом о палладианских виллах был неслож
ной, приятной и отлично оплаченной работой. Опла
чено было также путешествие по окрестностям Па
дуи и Вероны, где эти виллы в основном располага
лись, и по Бренте, вдоль берегов которой Палладио
тоже немало их построил. Текст Нэла писала в го
родке Аркуа и каждый вечер, гуляя после работы по
тихим улицам и холмистым окрестностям, прихо
дила на могилу Петрарки, смотрела на его выбитый

на камне портрет, смешную голову в каком-то пла
точке, и в голове ее звенели его строки, но почему
то не по-итальянски, а по-русски, да еще в переводе
Мандельштама, который их почти что сам выдумал:
«Чую, горю, рвусь, плачу — и не слышит, в неудержи
мой близости все та же…»

Нэла знала, что сделала свою работу хорошо, но
при том прекрасно понимала: в ней нет ничего, что
должно заставлять такого состоявшегося человека,
как Марион, жалеть, что эту работу сделала не она.

Вся Нэлина жизнь состояла из таких вот случайных работ, и не только из работ — ее жизнь в целом давно уже представляла собою произвольное смешение случайностей.

Воплощенная случайность и смотрела на нее теперь из зеркала в берлинском аэропорту, она сообщила ее чертам резкость Эль Греко и заставила устало мерцать глаза.

Надо что-то делать со своей жизнью, только сейчас она это поняла. Но чувствовала, наверное, и раньше, иначе не ответила бы на письмо Антона и не летела бы этим июньским днем в Москву.

Глава 2

В Берлине стоял запах цветущих лип, а в Москве — жасмина.

То есть не по всей Москве, а на Соколе. Такси свернуло на улицу Сурикова, Нэла опустила оконное стекло, и этот запах влился в нее, во все ее молекулы, и когда она шла к калитке родительского дома, он усиливался с каждым ее шагом.

Жасминовые кусты росли, правда, не у родителей, а у соседей, у Левертовых. После смерти Евгении Вениаминовны левертовский сад зарос репейником и лопухами и жасминовые кусты в нем засохли; заглядывая в свои редкие приезды за соседский забор, Нэла каждый раз вспоминала библейскую мерзость запустения. Но потом в левертовский дом вернулась Таня и привела все в порядок за первую же весну — летом жасмин уже цвел в саду снова. Нэла всегда считала, что Таня Алифанова — типичное явление разума, притом именно женского разума, созидающего и практичного. Только вот та-

ких типичных женщин почему-то было мало, а вернее сказать, и вовсе не было. Во всяком случае, Нэла таких, кроме Тани да покойной Евгении Вениаминовны, не встречала.

Она успела подумать об этом, идя через двор к родительскому дому. В прошлом году его отремонтировали, но выглядел он после этого так же, как

выглядел всю Нэлину жизнь, и не только Нэлину —
точно таким дом был на фотографиях 1927 года, ко
торые висели у Гербольдов в гостиной: высокий рус
ский терем, сложенный из огромных бревен, только
Ивана Царевича на Сером Волке не хватает да Ца
ревны Несмеяны в окошке.

Дома никого не было, Нэла открыла дверь своим
ключом. В ее сознании не находилось слов,
которые правильно обозначали бы то, что происхо
дило с нею каждый раз, когда она входила сюда.
Это не было ни счастьем, ни покоем, ни унынием, ни
восторгом — просто она становилась собой
настолько, что переставала себя осознавать. Зна-

ния, мысли, сомнения, чувства — все выветрива
лось из нее; Нэла входила в дом и в ту же минуту
была уже его частью, как статуя Венеры Милосской,
которая стояла возле лестницы, ведущей на второй
этаж.

Эту статую сделали по папиному заказу в Герма

нии, она была точной гипсовой копией луврской. Ко
гда тринадцатилетняя Таня Алифанова впервые
пришла в гости к Нэле и Ваньке, то очень удивилась,
что Венера со всех сторон разная, ну точно как жи
вой человек, и лицо у нее разное, то печальное, а то
и беспечное. Тане это было тогда в новинку, потому
она и заметила, а они с Ванькой всегда про свою Ве
неру это знали.

Родители были не в отъезде, просто ушли куда то.
Нэла поняла это по тому, что в доме царил живой
разор, который она тоже знала с детства. Все ле
жало не на своих местах, вернее, просто ничто не
имело постоянных мест, а оказывалось там, где
было удобно хозяевам в каждую минуту их жизни. У
непривычного человека, наверное, голова должна

была кругом пойти от водоворота вещей и вещичек,
картин и скульптур, вышитых золотой нитью поду
шек и разноцветных шалей, наброшенных на
резные спинки кресел — от всего, из чего
складывалась жизнь гербольдовского дома.

Глубокое блюдце из нойзильбера, в которое мама складывала свои украшения, было полно, и поверх колец в нем лежало ожерелье из больших серебряных бусин, покрытых арабской вязью. Мама купила его в старой лавке в Иерусалиме и, если бы уехала куда-нибудь, то наверняка взяла бы с собой: она надевала украшения под свое прихотливое настроение, а это ожерелье совпадало с ним часто.

Нэла оставила чемодан в прихожей, прошла через гостиную в сад и села на низкую скамеечку под цветущей яблоней. Она уехала из родительского дома так давно, что он связывался в ее сознании только с детством, а к детскому состоянию следовало привыкнуть.

— А предупредить нельзя было? Я тебя встретил бы.

Брат стоял у забора с левертовской стороны, но забор был и не забор, а просто невысокий штакетник, поэтому Нэла могла сразу обнять его, что и сделала.

— Зачем меня встречать? — Она встала на ска меечку и, перегнувшись через штакетник, чмокнула Ваню в щеку. — Я до Белорусской на аэроэкспрессе доехала, и на такси десять минут потом. А ты бы це лый день потерял.

Ей совсем не хотелось, чтобы он терял не то что день, но даже час своей нынешней жизни на такое бессмысленное занятие, как стоянье в пробках. Слишком тяжело складывалась жизнь ее брата, пока в ней не появилась Таня, и пусть он тратит те перь время только на счастье.

К Ваньке ей и привыкать было не надо, хотя она рассталась с ним тогда же, когда и с домом на Со коле, и жизни их шли с тех пор настолько по-раз ному, что в них не осталось, кажется, ни единого схо жего элемента. Но близнечная связь не выдумка мистиков, а чистая правда, Нэла по себе и Ваньке

это знала, при том что они и не близнецы даже, а просто двойняшки.

— Хоть позвонила бы. — Он быстро провел ла

донью по ее голове. — Таня с Алькой дома бы остались, а так они на экскурсию поехали. В Суздаль.

— Еще бы не хватало, чтобы они из-за меня не поехали. И к тому же я не знала, приеду ли. От брата скрывать было нечего, и Нэла говорила чистую правду: когда сидела вечером на берегу Шпрее и смотрела на темную воду, то еще не знала, полетит ли в Москву, и билет купила с айфона перед самым выездом в аэропорт.

— У тебя что-нибудь случилось? — спросил Ваня.

Никто бы этого про Нэлу не почувствовал, но у него чутье на любое человеческое состояние было обостренное. И от природы — он всегда был такой — и из-за сына, конечно: у того был аутизм, огромную часть своей жизни Ваня провел, занимаясь только им, и это сказалось таким вот образом — он видел людей насквозь и понимал их желания прежде, чем они сами о них догадывались.

— Нет, ничего, — ответила Нэла. — Антон предложил приехать. Я подумала и приехала. — И долго

думала? — поинтересовался брат. — Не очень! — засмеялась она.

Прав Ванька, не в ее привычках взвешивать за и против, которые заранее все равно не предусмот ришь и не взвесишь. Она лучше сначала сделает, а потом оценит последствия, и тоже всегда такая была, с детства, и жизнь свою построила так, чтобы к сорока годам у нее не было никаких причин ме няться.

— Пойдем, — сказал Ваня. — Пообедаешь у нас. Он раздвинул штакетины, и Нэла пролезла в ле вертовский сад. Все соколянские дети являлись к соседям через заборы, не по улицам же обходить. Этот дом изменился так же мало, как и роди тельский. Разумный дух Евгении Вениаминовны веял в нем, не зря Нэла видела между нею и Таней сходство, хотя его вряд ли замечал кто-то кроме нее.

Что в доме живет мальчишка, тоже было за метно — по новенькому турнику в саду, по грязному

футбольному мячу, по каким-то напоминающим латы приспособлениям, которые висели на стене в прихожей, и по множеству других мелочей, которые сопровождают жизнь подростка.

Подросток этот, Алик, появился в левертовском доме год назад и таким образом, который даже Нэле казался нетривиальным. Он был внуком Евге нии Вениаминовны, но отец его, Вениамин Алексан дрович Левертов, узнал о существовании этого ре бенка так поздно, что успел только оформить усы новление, а забрать к себе не успел — умер. Забрала Алика из детдома Таня Алифанова, никакого род ства с ним не имевшая, и объяснить это можно было только всей ее природой, потому что любые другие объяснения — что она жила в этом доме девочкой, что в те годы даже влюблена была в Левертова, — такой ее поступок объясняли лишь приблизительно.

Впрочем, Нэла считала, что все это не имеет те перь значения. Теперь есть ее брат и есть Таня, важно только это, и вряд ли Ваня воспринимает как трудность, что у Тани есть мальчик Алик, будь тот

хоть сорви-голова, хоть ангелочек с рождествен ской открытки.

— Ты борщ ешь? — спросил брат из кухни.

— Я все ем.

— А я уже не все. — Он появился в дверях гости ной с половником в руке. — Кто б мне раньше ска зал! Всегда был поджарый, как собака, над Лилей смеялся, что она на диетах сидит, а теперь самого от бутерброда с колбасой разносит мгновенно.

Лилей звали его жену, их сын Вадик и был аути стом, им Ваня и занимался четырнадцать лет, бро сив работу и весь внешний мир оставив побоку. Это приводило в отчаяние родителей и даже Нэлу, но сделать с этим нельзя было ничего: внешний мир не приспособлен был для того, чтобы в нем мог сколько-нибудь самостоятельно существовать та кой ребенок.

Год назад выяснилось, что вообще-то мир пре красно к этому приспособлен. Лиля влюбилась в учителя, который приезжал в Москву из Америки по

программе социализации аутистов, и уехала вместе

с ребенком к нему в Техас. Нэла, правда, не знала, любовь это с Лилиной стороны была или расчет — скорее всего, то и другое поровну, — но зато знала, что жизнь ее брата это просто обрушило. Все, что со стороны выглядело грузом, давно уже стало опорой его жизни, и когда оказалось вдруг, что этой опоры — необходимости заботиться о ребенке, о котором кроме него не мог позаботиться никто, — больше нет, Ванина жизнь просто развалилась, и обломки ее придавили его так, что вряд ли он сумел бы из под них выбраться.

Если бы не Таня.

— Это тебя Таня борщами раскормила! — засме ялась Нэла.

— Ну в общем да, раскормила, — кивнул брат. — Только не борщами.

— А чем?

Он не ответил — ушел в кухню, где что-то забрен чало; наверное, крышка на кастрюле с

борщом. Но Нэла и без слов услышала его ответ, вернее, он и без слов был ей понятен.

30

Покоем Таня его раскормила. Не тем покоем, который дается равнодушием, а тем, который дается любовью.

Ну и, конечно, метаболизм от нервов ускоряется, а прекрати нервничать, и сразу начнешь от куска хлеба толстеть, это любая женщина знает.

Ваня принес борщ в супнице, которую Нэла тут же вспомнила. В ней Евгения Вениаминовна часто приносила соседям попробовать какие-то невероятные яства, которые она готовила в качестве повседневной пищи, а мама даже в качестве праздничной вообразить себе не могла.

Они ели борщ, в самом деле вкусный, и разговаривали — о Тане, об Алике, у которого обнаружились большие способности к математике, о конструктор ском бюро, куда Ваню взяли несмотря на огромный перерыв в работе…

— Ты-то как живешь, почему не рассказываешь? Брат спросил это мимолетным тоном, но Нэла

знала, что спросил не из вежливости.

— Просто нечего, Вань, — сказала она. — Живу не скучно, но рассказывать нечего.

— Так бывает?

— Вышло, что да.

— Вот прямо само собой взяло и вышло? — усмехнулся он и, не дождавшись ее ответа, спросил: — Ты поэтому к Антону приехала?

— Не знаю. Не понимаю, почему я приехала, а главное, зачем.

У кого другого такой ответ вызвал бы, может, раздражение, но Ваня умел спрямлять запутанные линии, и в конечном пункте их запутанности выходило, что суть в общем понятна и без того, чтобы разбираться, каким образом она выявилась.

— Ты лучше про Алика вашего расскажи, — сказала Нэла. — Какой он?

И опять — другой сказал бы, что этого в двух словах не объяснишь, но Ваня ответил:

— Умный, но не разумный. Сердечный, но безответственный. С пяти лет в детдоме, а это, знаешь, не

та жизнь, которая дает опоры будущему.

Когда-то в детстве они с братом читали одни и те же книжки и думали обо всем одинаково, потом

он стал читать другое и думать иначе — проявился аналитический, системный склад его ума, совсем с Нэлиным не схожий, и профессия его инженерная этому соответствовала. А потом, когда круг его жизни вдруг замкнулся непроницаемой чертой и оказалось, что профессии больше нет и только внутри этого замкнутого круга ему приходится существовать, — все переменилось в нем, и он стал видеть людей не аналитически, а более тонким образом, чем видела их даже Нэла, которой тоже проницательности было не занимать.

— Ничего, Вань, — сказала она. — Он же левертовский мальчик. У него в собственной крови опор достаточно.

— Это да, — кивнул брат.

То, что она сказала, было ему понятно, а кроме него, пожалуй, больше никто ее слов не понял бы. — Как он вас с Таней называет? — спросила Нэла.

— Таню по имени. Меня Иваном Николаевичем звал, а сейчас никак. По-моему, хочет папой назы вать, но не решается.

— А ты его не торопишь.

— Конечно.

Она хотела спросить, как дела у Вадьки в Аме рике, но не стала спрашивать. Можно и у родителей потом выяснить, а для Вани едва ли за год стало без болезненным, когда задевают эту струну.

И все-таки он счастлив, он слегка ошалел от неожиданности своего счастья, это так заметно, что и проницательности никакой не нужно. Глаза у него всегда были внимательные, а сейчас внимание не просто ощутимо в них — оно подсвечено счастьем, как сильным и ясным огнем, и надо не иметь ни сердца, ни ума, чтобы своей внутренней смутой ме шать этому огню разгораться все сильнее. — А родители где? — спросила Нэла. — Я им с дороги звонила, но у них телефоны выключены по чему-то.

— Они в американском посольстве, потому и вы ключены. За визой пошли, — ответил брат. —

Папу в Нью-Йорк пригласили на год, в Колумбийском уни верситете преподавать.

— Скоро уезжают?

— Через три дня. Если визу дадут. Сейчас же с этим сложности, под лупой каждого разглядывают. — Он сердито крутнул головой. — И как мы в такое превратились? На весь мир стыдобище.

Ваня принес фаянсовую миску с длинными темно-синими ягодами жимолости. В детстве Нэла любила ягоды из левертовского сада — Евгения Ве ниаминовна всегда угощала ими, потому что у Гер больдов росла только смородина, и ту все ленились собирать.

Они ели и разговаривали. Вернее, Ваня расска зывал о своей новой жизни — действительно совер шенно новой, как будто он вышел преображенным из кипятка своего долгого горя.

Он рассказывал об Алике, о своей команди ровке на Урал, где делали для самолетов детали, ко торые он конструировал, о Тане… О Тане он

говорил словно бы между делом, но, глядя на него, Нэла по нимала, что это самое главное в его жизни и есть — Таня. Что это счастье его и есть.

И так же ясно она понимала, что брат отделен от нее своим счастьем, как прежде был отделен горем. Прежнее печалило ее, нынешнее радовало, но было в том и другом общее, и это общее было — ее от него
отдельность. Она его любила, она знала в нем все, но при этом так же не могла приблизиться к нему, как не могла бы приблизиться к любому случай ному, лишь краем проходящему по ее жизни чело веку, и дело было, значит, совсем не в нем. В ней было дело, только в ней, но почему — ускользало от ее понимания.

Глава 3

Впервые она смотрела на Москву глазами приезжего.

Если ты уехал из дому сразу после школы, то следует, наверное, удивляться, что это произошло только теперь, двадцать лет спустя. Но Нэла удивилась тому, что это вообще произошло — как только вышла из метро на Пушкинской, ощущение чужого города стало таким острым, что она даже растерялась.

Впрочем, растерянность у нее никогда не дли лась долго, а сейчас причины растерянности были так очевидны, что Нэла выдернула себя из нее од ним движением, как морковку из грядки.

Тверская улица преобразилась совершенно. Нэла давно и тщательно устроила свою жизнь та ким образом, чтобы у нее перед глазами не появля лись уродливые предметы — ни в квартирах, ни в го родах, где она жила. Квартиры и города менялись, но это условие оставалось неизменным, за этим она следила.

И странно было бы, если бы она не заметила, что Тверская теперь представляет собою какую-то ди коватую смесь детсадовского утренника с престиж ным кладбищем. Вдоль всей улицы, Тверского буль вара и в Новопушкинском сквере высились пласти ковые цветы и какие-то фигуры в человеческий рост — приглядевшись, Нэла опознала в них зайцев и расписные яйца. Памятник Пушкину был отгорожен от улицы арками, увитыми искусственными гирлян дами, от ядовитого цвета

которых она почувство вала на зубах оскомину. Уличные скамейки были гранитными, как и тротуары, и в гранитных же мону ментальных вазонах торчали какие-то чахлые рас тения.

Конечно, она и читала, и слышала, каким обра зом перестраивается Москва, но то ли забыла об этом, то ли читать и даже разглядывать на фотогра фиях это одно, а увидеть собственными, да еще от выкшими от безвкусицы глазами, совсем другое. Как бы там ни было, но преображенная Тверская оказалась для нее неожиданным зрелищем.

— Знаешь ли, Нэлка, все эти причитания по по воду знакомых с детства переулочков, по-моему, признак старости и больше ничего, — говорила од ноклассница Наташка Парфенова. — Жизнь не стоит на месте, у людей потребности растут, им нужно новое, и это нормально.

С Наташкой случайно встретились весной на набережной Ниццы, и именно в ее смартфоне Нэла рассматривала фотографии московских улиц, пока

пили кофе в «Негреско».

Они не виделись лет десять, но в первые же де сять минут Наташка сообщила о себе все — что они с мужем всегда приезжают в Ниццу в начале апреля, пока толпы нет, что муж ее работает в московской мэрии, что море уже теплое, да хоть бы и холодное, Витасик у нее морж и окунается в крещенскую ку пель, что Москву теперь не узнать, такая она стала шикарная и современная. Нэла не собиралась вос питывать у Наташки вкус, поэтому не стала выска зывать, что думает о новом московском шике и о том, нужны или не нужны знакомые с детства пере улочки. Вся Ницца, да и вся Франция была вообще-

то одним сплошным на это ответом, но Наташка была не из тех, кто способен такой ответ услышать.

И вот теперь Нэла шла по Большой Бронной к Патриаршим и не то что не узнавала улицу — гро тескно расширенные тротуары все-таки не до такой степени изменили Большую Бронную, чтобы ее нельзя было узнать, — но ни разум ее, ни сердце не отзывались тому, что она видела. И догадка, что дело совсем не в новоявленном урбанизме, а

только в ней самой, тревожила ее.

Антон сидел на открытой ресторанной веранде у пруда и читал что-то в айпаде. Неизвестно, изме нился ли он за то время, что они не виделись, но за тылок у него не изменился точно. В затылке было упрямство; Нэла не объяснила бы, каким образом оно выражается именно в затылке, но видела его от четливо.

В вихре надо лбом лихое его упрямство было тоже. Когда Нэла обошла столик и села напротив Антона, а он поднял взгляд, она сразу это увидела. — Привет, — сказала Нэла. — Ты не изменился.

— Ты тоже, — ответил он. — Нет чтоб сначала поболтать о том о сем, разговор завязать. Привет, Нэлка.

Неизвестно, правда или нет, что человек полно стью меняется каждые семь лет своей жизни, но даже если это так, все равно никогда не покажется тебе посторонним тот, с кем ты был близок в юно сти. Это только что подтвердилось при встрече с

Марион и сейчас подтверждалось снова: Нэла обра довалась, увидев бывшего мужа. Правда, она обра довалась и увидев в Ницце одноклассницу Наташку — просто потому, что сразу вспомнилось, как в пя том классе сбежали с уроков играть в казаки-раз бойники и они с Наташкой спрятались в беседке на Звездочке, а мальчишки не могли их найти.

С Антоном она в казаки-разбойники не играла, но, выражаясь высоким стилем, делила пищу и кров в те годы, когда складываются житейские при вычки, так что вряд ли он когда-нибудь покажется ей посторонним.

И точно так же это ничего не означает, как и мгновенная радость от встречи с бывшей одноклас сницей.

Но все-таки она обрадовалась, увидев
его. — Что тебе заказать? — спросил
Антон. — Макиато.

— А пообедать? — удивился он. — Я специально этот ресторан выбрал, здесь эклектическая кухня и

вкусно. После Италии трудно удивить, я понимаю. Но в Москве теперь не хуже кормят, чем в Европе, любой тебе скажет.

— Ну давай пообедаем, — пожала плечами Нэла.

И тут же с удивлением поняла, что действи тельно проголодалась, хотя пять минут назад ника кого голода не испытывала. И тут же вспомнила про Антонову способность убеждать не логикой, а ка ким-то другим, неуловимым и мгновенным спосо бом. Это привлекло ее в нем когда-то. Впрочем, не только это.

Сейчас он немного рисовался перед нею — зака зывал еду с такой непринужденностью, которая,

Нэла знала, не была присуща ему сама собою, а зна чит, тщательно им в себе взращивалась. «Ресторанных критиков читает, наверное», — ве село подумала она.

Антон всегда умел тронуть всяческой ерундой, и это не изменилось тоже.

— Пить что будешь? — спросил он.

— Что закажешь, — еле сдерживая смех, отве
тила она.

Он поймал ее взгляд, засмеялся и заказал шам
панское.

В общем, они оба были рады встрече и не счи
тали нужным скрывать это друг от друга. — Долго в
Москве пробудешь? — спросил Ан тон.

Нэла вспомнила, что он не предложил ей прие хать,
но лишь спросил, не будет ли она в Москве в июне,
а когда она ответила, что будет, то поинтере
совался, могут ли они встретиться. И получается та
ким образом, что встреча их хоть и не совсем слу
чайна, однако назначена словно бы мимоходом, а

потому надо делать вид, что эта встреча не имеет
для нее значения.

Но играть в такие игры с человеком, которого
знаешь как себя, Нэла считала излишним. — Ты
зачем меня позвал, Антон? — спросила она.

— Работу хочу предложить, — ответил он. Что ж,
значит, и он ничего про нее не забыл. Во всяком

случае помнит, что с ней лучше говорить без обиняков.

— И какую же? — усмехнулась Нэла. — В Гос думе?

— Что вспомнила! Я там сто лет уже не работаю. — А где работаешь?

— У меня архитектурное бюро.

Если бы он сказал, что выступает в цирке, она удивилась бы меньше. Или по крайней мере так же. Ее удивление понравилось ему, это было за метно. Только неправильно он ее удивление понял. — Ты-то причем к архитектуре? — поинтересова лась Нэла.

— При том, что здание не только нарисовать надо, но и построить. — Он обиделся на ее вопрос, хоть и постарался не подать виду. — А это, знаешь ли, не так-то просто. Особенно в Москве.

— Так ты строишь, что ли? — снова удивилась она.

Может, зря удивилась: образования, которое

позволяло бы что-либо рисовать или строить, у него нет, но ведь к сорока годам человек может приобрести самые разнообразные навыки. В Госдуме Антон работал помощником депутата, но мало ли чем занимался после этого. Они не виделись, не перезванивались, не переписывались — Нэла ничего не знала о нем. И если бы он вдруг не объявился в одном из ее мессенджеров, то и не узнала бы, а если бы не узнала перед поездкой в Берлин, то и не думала бы о нем, глядя в темную воду Шпрее, а если бы не думала о нем в тот вечер, то и не поехала бы в Москву и не встретилась бы с ним сегодня.

— Я не строю, — сказал Антон. — Я добиваюсь, чтобы было построено. Это еще на стадии замысла надо предусматривать.

— Не слишком заноситься?

— Или наоборот.

— Будьте реалистами — требуйте невозможного? — засмеялась она.

— У меня чаще так, — кивнул он. — Во всяком случае, я стараюсь максимально это обеспечить. —

Что за шрам у тебя? — спросила она. — Где? — Антон быстро коснулся ладонью скулы. — А!.. Это давно уже. Столкновение с дей ствительностью.

Нэла видела: он обрадовался, что она спросила о шраме. Он хочет быть ей небезразличен, это она поняла и по трогательной небрежности, с которой он заказывал для нее обед, и по вот этой его брос кой фразочке о столкновении с действительностью. И это вызвало легкий душевный трепет, кото рый обрадовал ее. Надоела собственная неприкаян ность; только сейчас Нэла нашла точное обозначе ние для снедавшего ее беспокойства.

— У меня нормальный бизнес, не бойся — ска зал Антон.

Нэла рассмеялась и сказала:

— Не боюсь. Но удивляюсь.

— Чему?

— Не помню, чтобы ты когда-нибудь интересо вался архитектурой.

Она не только этого не помнила, но помнила как раз обратное: он ненавидел праздные прогулки по городу — по любым городам — и не понимал, что интересного в том, чтобы глазеть на дома. Город был для него местом, в котором он мог или не мог осуществлять какую-нибудь деятельность, и любое здание, да и вообще любой предмет внешней среды он воспринимал только с той точки зрения, мешает этот предмет его деятельности или помогает. Кельнский собор или Гранд Опера не мешали и не помогали, а следовательно, не существовали для него вовсе — он не обращал на них внимания так же, как на пятиэтажку в Чертанове. Как Нэла ни старалась когда-то, его прагматизм был неистребим, ничего с ним нельзя было поделать. Потому она и удивилась, что в его жизни возникла именно архитектура. Уж

скорее и правда в цирке стал бы выступать — летать под куполом или шпаги глотать.

— Я ею и не интересовался, — кивнул Антон. — Работал в мэрии, а…

— Что-то вы все в мэрии работаете, — заметила Нэла. — В крещенскую купель не окунаешься? — Причем тут купель? — не понял Антон. — А что в мэрии… Ну а где еще работать?

— Интересный подход, — усмехнулась она. — Есть и другие места, я думаю.

— Нет других мест. — Его глаза, синева которых поразила ее когда-то и не выцвела до сих пор, мгно венно стали ледяными. — Про все эти штуки, когда на хорошем деле можно было подняться, ты забудь. Теперь — только с бюджетом грамотно работать, все серьезные деньги так или иначе оттуда. Мэрия наиболее приемлемый вариант. И денежно, и… При емлемо, в общем, — повторил он.

— Ты меня звал, чтобы это сообщить? — пожала плечами Нэла. — Спасибо. Меня это не интересует. Что дальше?

— Нэлка, ты что? — Он взъерошил вихор, про ведя по нему пятерней, это всегда было у него при знаком волнения. — Я совсем не то хотел сказать.

Черт, сама же меня не туда завела! Вечно ты к какой нибудь ерунде прицепишься. С мэрией я уже три года как расстался, не о чем вообще… Но когда еще работал, стал высматривать, чем бы таким за няться… Перспективным. Ну и нашел этих ребят, со трудников своих теперешних. Они как раз Архитек турный закончили, свое бюро собирались откры вать. Но потом на мое предложение согласились.

— Почему согласились? — быстро спросила Нэла.

— Я их не шантажировал и вокруг пальца не об водил, — догадливо ответил Антон. — Просто ре бята толковые. Сообразили, что на одном таланте далеко не уедут. Связи нужны, возможности. Деньги, кредиты. Я им все это предложил — они со гласились. С троих началось, а теперь пятьдесят че ловек у меня работают. И заказов, скажу тебе, хва тает. Архитектурный рынок растет, что естественно. Москва — это пространства. Мировая столица.

— Эту часть можешь пропустить, — сказала Нэла. — Я тебе зачем?

Он не ответил. Но в его глазах она читала по прежнему, и тот ответ, который прочитала сейчас, был ей приятен.

— Ты же во всем разбираешься, — наконец про изнес он. — Я-то… Ну, про меня ты знаешь. Но и ре бятам моим, хоть в архитектуре они как надо рубят, широты образования все-таки не хватает. Молодые они.

— Это был мне комплимент? — Нэла рассмея лась так, что даже слезы выступили. — Не меня ешься ты, Антон!

— Нэлка! — воскликнул он; синева из глаз так и брызнула. — Ну что ты переворачиваешь! Я же со всем не про то… Учат сейчас плохо, вот я про что. Или учат хорошо, да они учиться не умеют, молодые потому что. Но знаний у них мало, это мне уже по нятно.

— А мне не понятно, — пожала плечами Нэла. — Ты меня, что ли, приглашаешь их культурный уро вень повышать?

— Не мучай ты меня, — сказал он почти жа

лобно. — Придумаем, как твою работу назвать. Ты мне нужна, Нэлка, — вдруг, совсем без перехода, вы палил он. — Так нужна, что аж зубы сводит.

Одно дело взгляд, неясная материя, и совсем другое — слова, смысл которых предельно ясен. Та ких прямых слов она все-таки от него не ожидала. И вряд ли хотела. Что на них ответить?

К счастью, официант принес тарелки с закус ками.

— Видишь, и обслуживают здесь быстро, — ска зал Антон.

Что быстро, это точно. Какие-нибудь десять ми нут ему понадобилось, чтобы решиться на призна ние в любви. Или это не было признанием в любви? Да, может и не было. Во всяком случае, теперь вид у него уже вполне спокойный. Обычный сорокалет ний мужчина, обедающий со старой знакомой. Не плохо, надо признать, выглядящий мужчина. Не рас полнел, не заматерел, не опустился. Живость сохра нил в общении. Следит за собой. Одет со вкусом.

То, что она оценивает его с отвлеченной примет ливостью, нисколько Нэлу не смущало. Она ехала на встречу с ним, чтобы проверить, не получится ли у них возобновить отношения. Как выяснилось, он тоже имел в виду именно это. Значит, стоит все объь ективно взвесить, потому что им не восемнадцать лет, чтобы строить отношения на такой зыбкой почве, как мгновенно вспыхнувшая страсть. Тем бо лее что и в восемнадцать лет это ничем толковым не закончилось. Да и нет сейчас никакой страсти, во всяком случае, у Нэлы. Так что оценить его стоит, и именно беспристрастно, раз уж она собирается по пробовать с ним что-то — что именно, пока неясно — снова.

За кофе Антон рассказал о своем архитектурном бюро подробнее — что назвал он его «Дайнхаус» в память о своей немецкой юности, что рентабель ность процентов тридцать, что с первыми ребятами из тех, которые у него теперь работают, он познако мился четыре года назад…

— Сразу понял, что они такое, — сказал Антон. — Я, может, словами и не назову, в чем тут дело, но где талант, а где понты, не перепутаю. Они мне заго родный дом построили, — добавил он. — Сама уви дишь.

Последнее он высказал словно бы между про чим и как само собой разумеющееся, но Нэла рас слышала в его голосе вопросительный оттенок. От вечать на этот полувопрос она не стала.

— Тебе у меня понравится, — сказал Антон. И по спешно пояснил: — Работать, в смысле. — Нэла еле сдержала улыбку, так трогательно он старался со блюдать дистанцию; она-то знала, как мало ему это свойственно. — В работе моей, понимаешь, общение — огромное дело.

— Почему? — машинально спросила Нэла. На самом деле она не слишком вникала в смысл его слов. Антон знает, что она может, что нет, и раз предлагает работу, значит, она с ней справится. Она не слушала его слов, но вслушивалась в ин тонации, всматривалась в лицо и жесты. Ей надо

было понять, изменилось ли в нем то, что заставило их расстаться, и если изменилось, то как — осла бело, исчезло совсем или, наоборот, усилилось? Это было решающе важно, но пока оставалось ей непо нятным.

— Потому что без общения заказов не получишь, — ответил Антон. — Отчасти, конечно, старые мои связи работают, но чтобы на закрытые тендеры при глашали, надо действовать сегодня, а не жить вче рашним днем. На открытых конкурсах проекты не больно-то ищут, — пояснил он. — Там заявок море и всякая шушера вьется. Серьезные заказчики отби рают несколько архитектурных бюро, организуют для них закрытый конкурс и на нем проекты рас сматривают. Чтобы нам из этого пула не выпасть, что надо?

— Ну что? — улыбнулась Нэла.

Загорается по-прежнему. Интереса к жизни не утратил. Это хорошо. Беспрестанно тормошить вя лого мужчину и знать, что без твоих усилий он не-

медленно превратится в бесформенный ком… Не легкая это работа, из болота тащить бегемота, и ей это совершенно не нужно.

— Постоянно на виду надо быть, вот что, — отве тил Антон. — Во всяком случае, от тебя я ожидаю именно этого. Быть на виду, производить впечатле ние, быстро реагировать. Оценивать, что хочет за казчик, внушать ему, что хочешь ты, и так внушать, чтобы он был уверен, что сам этого захотел. Ты это умеешь.

— Думаешь, умею?

— Не думаю, а знаю.

«Что-то не припомню, чтобы мне удалось тебе внушить, чего ты сам не хотел, — подумала Нэла. — Даже наоборот».

Но высказывать это Антону она не стала. С чи стого листа — значит, с чистого. Кто старое помянет, тому глаз вон. Правда, кто забудет, тому оба долой, но сейчас стоит ограничиться первой

частью народ ной мудрости.

55

Нэла допила кофе, Антон расплатился, и, сойдя с ресторанной веранды, они пошли по аллее вдоль пруда.

Многое здесь переменилось, но Патриаршие, ви димо, были из числа таких мест, которые трудно из менить до неузнаваемости — слишком сильна их собственная энергия, слишком глубоко уходит в прошлое. По всему периметру пруда тянулись ресто раны, из них доносилась музыка, множество людей сидели на открытых верандах и лавочках или фла нировали по дорожкам, но ощущение покоя, ясного и трепетного, как воздух над водой, было точно та ким же, как тридцать лет назад, когда Нэла и Ванька приезжали в гости к тете Зое, папиной старшей сестре, и, пока родители сидели за чаем и скучными взрослыми разговорами у нее дома — вон в том доме с фигурами львов у входа — убегали играть на детскую площадку возле памятника

Крылову. В Нэлу тогда влюбился мальчик из Ермолаевского пе реулка, в нее всегда кто-нибудь влюблялся — Ванька говорил, это потому, что она как спичка, она

всегда думала, что брат имеет в виду ее телосложе ние, и лишь недавно он объяснил, что имел в виду ее способность поджигать своим задором.

Только Антона поджигать не требовалось. Мо жет, поэтому у них ничего и не вышло когда-то. — Подожди здесь, я минут через десять за тобой подъеду, — сказал он, когда дошли до угла. — Места поблизости не было, машину черт знает где при шлось оставить.

— Комфортная среда? — усмехнулась Нэла. — Ну а что, лучше было, когда в три ряда на га зонах парковались? — пожал плечами Антон. — У нас тут теперь как в Европе.

Насчет газонов он был прав, но она рассерди лась. Была какая-то неточность в его словах, но в чем она состоит, объяснить Нэла не могла, это и

злило.

— Не подъезжай, — сказала она. — Я в метро. Он, конечно, сразу заметил, что она рассерди лась, но не расстроился, а замкнулся — глаза стали холодные. Ну и ладно. Было бы не только глупо, но

и просто нечестно с ее стороны пытаться произве сти на него впечатление получше. Он ведь тоже, наверное, оценивает, изменилась ли она, чтобы по нять, стоит ли затевать с ней отношения заново. Вот и пусть оценивает объективно.

Дома стоял кавардак, обычный для гербольдов ского дома вообще, а перед долгим путешествием особенно.

Папы, правда, не было: он терпеть не мог сборов и никогда в них не участвовал, полностью передове ряя это маме. Что мама способна на какое-либо си стемное действие, должно было казаться странным любому, кто ее знал, но только тому любому, кто знал ее поверхностно. Знавшие же ее близко, может, и удивлялись, как эта способность

сочетается в ней с созерцательностью, безалаберностью, фантази ями и прочими подобными чертами, но знали также и то, что устраивать быт она умеет, хотя и с причуд ливым своеобразием.

Посередине гостиной, у ног Венеры Милосской, стояли два открытых чемодана, а по стульям, крес лам, табуреткам и перилам ведущей наверх лест ницы мама вчера вечером и сегодня утром раскла дывала вещи, вынимая их из шкафов и ящиков. Ве щей набралось много, и теперь она обходила ком нату по периметру, собирала их, как грибы, и слоями складывала в чемоданы, свой и папин, или отклады вала в сторону.

За этим занятием застала ее Нэла.

— Помочь? — на всякий случай спросила она.

— Зачем? — пожала плечами мама. — Через полчаса я закончу, чаю выпьем. Обеда, правда, нет.

— Я в городе пообедала.

— Посмотри пока фотографии. — Мама кивнула на лежащий на столе альбом. — Случайно в комоде нашла. Знаешь, в том, прадедушкином, который в мастерскую вынесли.

Случайно в доме могло найтись что угодно — и вследствие характера его обитателей, и просто по-

тому, что это вообще естественно для дома, в кото
ром почти сто лет живет одна и та же семья, притом
насыщенно живет каждым своим поколением. Аль
бомов и с фотографиями, и с графическими или па
стельными портретами даже без вновь найденного
было такое количество, что Нэла различала боль
шинство запечатленных родственников не по ли
цам, а по одежде; пригодился курс истории моды,
который она брала в университете.

Альбом лежал на ломберном столике, неиз вестно
откуда взявшемся когда-то в гостиной; дом был
построен в те времена, когда в такие игры уже не

должны были бы играть. А может все-таки иг рали, ведь поселок Сокол строился при нэпе, когда казалось, что нормальная жизнь возвращается.

Нэла открыла альбом, перевернула несколько страниц, переложенных пожелтевшей папиросной бумагой. Прадеда узнала сразу — видела его фотографии раньше, да и Ваня был на него похож, он вообще удался в отцовскую линию. Линия эта, надо сказать, выглядела эффектно, во всяком случае, в

мужском ее проявлении: все Гербольды-мужчины были высоки ростом, широки в плечах, и даже при полном несходстве характеров лица их имели одинаково правильные черты, а серые глаза — внимательное выражение. Хотя если Ваньке, например, в самом деле было присуще внимание к окружающим, то папа всегда был внимателен к одному лишь себе, и непонятно было, является такое его свойство признаком эгоизма или таланта. Как бы там ни было, о мужчинах своего семейства Нэла считала правильным судить по брату, а о женщинах если и хотела бы судить по себе, то едва ли это

было бы правильно: внешностью и характером она непо нятно в кого удалась — может, в какую-нибудь пра бабушку из понтийских греков; была в мамином роду и такая кровь.

Она рассеянно долистала альбом до конца. Сту денческая вечеринка, и студенты выглядят гораздо взрослее, чем сейчас. Пикник сотрудников Нарком строя, и сотрудники эти тоже кажутся старше, чем нынешние главы международных корпораций —

Нэла подумала, что Илон Маск в свои сорок пять лет по сравнению с ее прадедом в том же возрасте смотрится просто мальчишкой. Женщины одеты так тщательно, как сейчас и одеваться-то неприлично… Большинство женских фотографий были не встав лены в прорези на страницах, а просто сложены стопкой в конце альбома. Интересно, что это значит — что прадед был ходок и сосчитать не мог своих женщин? Нэла перебрала снимки — все как на под бор красотки, так что ее версия о прадедовом люб веобилии, может быть, правильная.

А может быть и нет. И никакого значения не имеет ни то ни другое, потому что всего через сто лет никто уже не помнит ни женщин этих, ни мужчин, и, разглядывая фотографии, она замечает не столько лица их, сколько шляпки.

Ей стало не по себе от этой мысли. Хорошо, что одна из шляпок оказалась эффектная, это отвлекло. Нэла видела точно такую в маленьком берлинском магазине, она называлась ягодная чалма. Надо же,

в Москве тоже такие были, оказывается. Или, мо
жет, прадед из Берлина как раз и привез эту шляпку
любимой женщине, или эта женщина была для него
не любимой, а случайной…

Нэла поняла, что почти заставляет себя думать
о каких-то старинных историях, которые сама же и
придумывает, хотя по горло сыта стариной, осо
бенно после недавнего своего погружения в палла
дианский мир, — а на самом деле прошлое волнует
ее сейчас только до той черты, на которой она встре

тилась с Антоном в юности и за которую теперь пы тается зацепиться, потому что не видит в своей жизни никаких других зацепок, несмотря на этот старый дом, и на эти снимки, и на разумный праде дов взгляд, снимками этими остановленный.

Глава 4

Всем родительским знакомым Нэлино решение казалось глупым. Родителям, впрочем, тоже, а вер нее, они просто считали его не решением, а очеред ным безалаберным порывом, из которых состояла вся жизнь их семнадцатилетней дочери.

Одно дело уехать за границу в советские вре мена, тут и спрашивать не стоит почему, и так по нятно. Но почему, а главное, зачем уезжать сейчас, когда

жизнь в Москве кипит, и какая жизнь! Свобод ная, яркая, с миллионом всяческих возможностей.

— Если бы мне кто-нибудь в твоем возрасте предоставил тысячную долю того, что есть у тебя, я ничего другого не хотела бы, — сказала мама. — Объясни мне, пожалуйста, что ты надеешься найти в
Германии такого, чего не сможешь получить в Москве?

Она не ответила, да вряд ли мама и ожидала от нее ответа. Все в семье давно смирились с тем, что Нэла и рациональность — две вещи несовместные.

И зря, кстати, рациональность в ее нынешнем реше нии есть, и очень даже понятная.

Сколько угодно родители могут говорить про миллион открытых перед ней возможностей, но нет в этих возможностях главного — непредсказуемо сти. Нет и быть не может. Поступит она в МГУ, в По лиграф или в Иняз, разница невелика, то есть насто ящая, жизненная разница. Все равно она будет ухо

дить утром на лекции, как раньше уходила в школу, сидеть в аудитории, а потом где-нибудь в кафе с од нокурсниками, которые будут ей понятны так же, как понятны были одноклассники, потому что они точно такие же, как она сама, выросли в точно таких же се мьях, читали те же книжки, занимались в том же са мом художественном кружке при Музее изобрази тельных искусств имени Пушкина, и после занятий она будет точно так же, как всю свою прежнюю жизнь, возвращаться домой, где ее ожидает обед, если приходила Валентина, или не ожидает, если в этот день хозяйство было предоставлено маме, и в том будет единственное различие дней ее жизни — в обеде!

При одной мысли об этом у Нэлы скулы сводило от скуки. И она была на все готова, чтобы выскочить из колеи, проложенной множеством ее заботливых предков за сто лет до ее рождения, если еще не раньше. Но в Москве это точно было невозможно, значит, надо было уехать из Москвы.

Рисовала Нэла посредственно, слух у нее был

не абсолютный, а самый обыкновенный, но способ ность к языкам феноменальная. Это выяснилось. когда ей было пять лет. В доме был граммофон, к нему пластинки, одна из них с дореволюционными детскими песенками на разных языках. Нэла про слушала ее раз двадцать подряд, после чего пере сказала содержание всех песенок по-русски. Среди гостей, перед которыми она это проделала, нашлись знавшие английский, немецкий, французский, ита льянский и даже португальский, так что точность пе ревода была подтверждена. Потрясенные родители немедленно взяли для нее учителей — с португаль ским решили погодить, а английским, немецким, французским и итальянским она к окончанию школы владела свободно.

И что же могло остановить ее в стремлении вы рваться из расчисленной московской жизни? Да аб солютно ничего!

Больше всего Нэле, пожалуй, хотелось в Италию, но никакой программы, по которой туда можно было бы попасть сразу после школы, она не

нашла. А ей нужно было именно сразу — она сгорала от не
терпения и догадывалась, что каждый следующий год таит в себе опасность того, что ее пыл угаснет. Или нет такой опасности? Как бы там ни было, про верять это Нэла не собиралась, поэтому решила ехать в Бонн, где обнаружились подготовительные курсы, после которых можно было учиться в любом университете Германии.

В Бонн она и плыла теперь по Балтийскому морю.

То есть корабль шел, конечно, не в Бонн, а в Гам бург, дальше Нэле предстояло добираться посуху, и она чувствовала себя как вольный птицелов из лю бимого маминого стихотворения — вот сейчас сой-

дет на берег и отправится вдоль по рейнским бере гам. Энергия била в ней через край, и с удоволь ствием она пошла бы к месту назначения пешком!

Но до этого должно было пройти еще немало

времени, потому что корабль не просто доставлял пассажиров из Петербурга в Гамбург — он назы вался «Культурная миссия» и по дороге должен был заходить в разные порты, чтобы эту миссию выпол нять. Собственно, потому родители и пристроили на него Нэлу, решив, что девочке будет полезно ока заться среди интересных людей, занятых интерес ным делом.

Но выйдя в первый же вечер из своей каюты, Нэла подумала, что родители чего-то не поняли. Первым, кто ей встретился на палубе, была жен щина лет пятидесяти в длинном лазоревом сара фане, расшитом по подолу алыми цветами. К ее во лосам была прикреплена длинная коса соломен ного цвета, именно прикреплена, прямо заколкой пришпилена и для верности прижата кокошником. Нэла подумала, что это артистка, которая будет

участвовать в концерте, но оказалось, что женщина идет в таком странном наряде на ужин. По дороге она сообщила Нэле, что повар здесь настоящий француз, поэтому кормить будут изысканными блю

дами. Она сидела за соседним столом, и Нэле было видно, как узорчатая кайма на ее широких рукавах окунается в тарелку с консомэ, когда она тянется за очередным куском хлеба; ела она его так много, как будто пережила голод. Или, может, в самом деле пе режила? Нэла не удивилась бы, очень уж необычно выглядела эта дама с помятым лицом и в одежде Василисы Прекрасной.

Правда, присмотревшись, Нэла поняла, что и остальные ее спутники выглядят ничуть не лучше. Или не хуже? Определить это она не могла, но раз глядывать их было ужасно интересно.

По палубе ходили мужчины в шароварах и в фу ражках, назывались они казачьим хором и вечером после ужина действительно принялись громко петь про есаула, мамку да ветлу.

На противоположной от хора стороне палубы ка кая-то женщина с лицом то ли алкоголички, то ли уголовницы, стоя рядом с телеоператором, брала

интервью у другой женщины, похожей на нее как родная сестра.

— СПИД и онкологию по фотографиям тоже лечу, — говорила та. — Использую только полароид ные снимки, они энергетику личности сохраняют.

На шее у нее висела большая дощечка с портре том старухи в цветочном венке, и она время от вре мени к этой дощечке прикасалась, будто в доказа тельство своих слов.

Из репродуктора доносился голос:

— Граждане миссионеры, первая смена питания закончилась, приглашается вторая! Те из вас, кто желают креститься, то есть стать христианами, мо гут прийти в корабельную церковь к двадцати од ному часу.

«Сумасшедший корабль», — подумала Нэла.

Дома было много журналов, и в одном из них, со всем старом, довоенном, она прочитала роман с та

ким названием. Но в романе так называли Дом искусств на берегу Мойки, жили в нем после революции художники и поэты. А здесь она увидела самых настоящих сумасшедших, собравшихся на самом настоящем корабле.

Если бы Нэла оказалась в такой компании дома на Соколе, то посмеивалась бы, наблюдая за происходящим. Вообще-то она в ней и оказывалась — не в такой, конечно, яркой, но в похожей, потому что папа хоть и работал в реалистической манере, но художники среди его знакомых были разные, и Нэла с детства знала, какими странными бывают талантливые люди. Но одно дело смотреть на странных людей со стороны и знать, что на твою жизнь они никак не подействуют, и совсем другое — с головой окунуться в их жизнь, стать ее частью.

Может быть, ощущение погруженности в чужую жизнь усиливалось от того, что кругом было море со стального цвета волнами до горизонта, но все-таки

Нэла смутно понимала: дело не в море, а в чем-то

другом… От неясных размышлений ей становилось не по себе и даже почти что страшно, хотя она была не робкого десятка.

И в таком вот необычном для себя состоянии проводила она время на этом странном корабле. Правда, на нем постоянно что-нибудь происхо дило, и это отвлекало от смутной тревоги. Назавтра после отплытия у десяти человек про пали из кают чемоданы. Поднялся переполох, про пажу искали, но понятно было, что чемоданы вряд ли обнаружатся. Скорее всего, их выпотрошили и выбросили в море. Целительница, лечащая СПИД по фотографиям, сняла с шеи дощечку с нарисованной женщиной и, усевшись на корточки посреди палубы, принялась ей молиться. Слова молитвы были непо нятны, но к вечеру она объявила, что содержимое чемодана, хоть и не полностью, ей подбросили к по рогу каюты, а это означает, что ее молитва услы шана, потому что больше никому ничего не вернули.

Тем же вечером Нэла увидела на палубе непо движно стоящего мужчину, который, как пленный партизан, держал в руках картонку с надписью «Я хочу на Родину».

— Ты к нему близко лучше не подходи, — ска зала ей буфетчица в столовой. — Мало ли что чело веку в голову придет, от душевного-то переживания.

Нэла засмеялась, но вообще-то ей было тоск ливо и хотелось домой уже, пожалуй, не меньше, чем человеку с картонкой.

Мир был огромен, как море, и так же, как море, безразличен к ее существованию. Наверное, это и всегда было так, но никогда она этого не сознавала и никогда не чувствовала себя в огромном этом мире такой одинокой. Это было настоящее одиноче ство — не когда сидишь одна в своей комнате и слу шаешь, как дождь стучит по крыше, разглядываешь картины в альбоме, мечтаешь о чем-нибудь таком же прекрасном, таком же неуловимом, как прикос новения кисти, от которых появляются на холсте ви-

ноградники Арля или осенние стога Плеса, — а ко гда знаешь, что ни одному человеку из тех, до кото рых ты можешь вот прямо сейчас дотронуться ру кой, нет до тебя никакого дела, и от этого не верится уже, что хоть кому-нибудь есть до тебя дело вообще, и добрый, любящий тебя мир кажется призрачным, не существующим…

Солнечный круг коснулся воды, золотые и алые дорожки побежали по волнам. Не отводя взгляда от играющего света, Нэла шла вдоль борта. Сейчас, на закате, одиночество особенно тяготило ее, и она об радовалась, услышав голоса.

Среди всех странностей этого корабля была еще и та, что Нэла, всегда чрезвычайно общительная и легко сходившаяся с людьми, никак не могла подру житься ни с кем из его обитателей. Почти все они держались кучками и изнутри этих своих кучек смотрели настороженно и враждебно; она не пони мала почему. А те, которые, наоборот, были открыты

любому, не вызывали у нее ни малейшего желания узнать их поближе. Целительница, например, была

как раз из таких — в первом же разговоре она дове рительно сообщила, что до Нэлиного возраста была самым обыкновенным человеком, а потом ее за брали на астероид и вернули через пять лет уже с теми способностями, которые имеются у нее те перь. После того первого разговора Нэла обходила ее за версту, чтобы как-нибудь не нарваться на вто рой.

Но сейчас из-за поворота палубы доносился явно не голос целительницы. А когда Нэла мино вала этот поворот, то увидела двоих казаков. Один сидел на скрученном канате, другой на каком-то брусе, между ними было расстелено полотенце, на полотенце лежали крошечные пирожки, которые да вали сегодня к ужину, стояла начатая бутылка водки и два уже наполненных стакана. Казаки сняли фу ражки, в которых ходили постоянно, и стало по нятно, что оба они лишь чуть старше Нэлы.

— О! — увидев ее, обрадовался тот, что был фи гурой пошире. — Водку пьешь?

— Не-а, — ответила Нэла.

От вида этих крепких парней, даже от вида их водки, в которой поблескивали закатные искорки, ей почему-то стало веселее.

— Зря, — заметил второй, фигурой подлиннее и поуже. — Нехорошо трезвому с пьяными. — Дак мы рази напиваться собираемся? — хо хотнул первый. — Посидим для настроения, святое дело. Садись, не стесняйся, — кивнул он на место рядом с собой. — Тебя как звать?

Он произнес эти «дак» и «рази» без всякой наро читости. И уходить совсем не хотелось, и одиноче ство как-то сразу перестало пугать…

— Нэла, — ответила она, садясь рядом с ним на брус.

— Ишь ты! — хмыкнул второй. — Еврейка, что ли?

— Почему? — удивилась Нэла.

— Имя нерусское. А евреев тут полно же, — объ яснил он. — Поездка бесплатная, конечно, набе жали. Любят они на дармовщинку.

— Ладно тебе, Петро, — укоризненно произнес широкий. — Жалко, что ли? Пускай плывут, ежели хотят. Батюшка говорит, апостол Павел тоже еврей был.

Нэла сразу пожалела, что присела к этому поло тенцу. Она никогда не слышала, чтобы кто-нибудь рассуждал о людях вот так, отдельно от себя, будто о каких-нибудь экзотических насекомых.

— Имя у меня ничье, — зачем-то сказала она. — Родители его просто выдумали.

Она вспомнила, как папа рассказывал, что мама хотела, чтобы родился сын и можно было дать ему какое-нибудь простое русское имя, а он, наоборот, ждал дочку и хотел дать ей имя необыкновенное; по чему-то всех мужчин их семьи привлекали необыч ные женские имена. Они долго из-за этого спорили,

а потом у них родились двойняшки, и они назвали сына Ваней, а для дочки в самом деле придумали имя, какого никогда и не слышали… Это воспомина-

ние так ударило Нэле в сердце, что она чуть не за плакала. Оно совсем не соединялось с тем, что так неожиданно оказалось жизнью. Взрослой жизнью.

«Я не хочу! — вздрогнув, подумала она. — Я… За чем я из дому уехала?!».

Взрослая жизнь расстилалась вокруг, как стре мительно темнеющее море, и люди, встречающие Нэлу в этой жизни, не вызывали ни малейшей при язни.

Она поднялась, чтобы уйти, но длинный быстро схватил ее за руку, усадил обратно и сказал: — Ну чё ты? Брезгуешь?

— Нет, — машинально ответила Нэла.

«Я совсем не умею вести себя с людьми, — по думала она. — Как же так?».

И это тоже было с ней впервые — даже слов та ких, «вести себя с людьми», не бывало прежде в ее мыслях. Она просто жила, и ей было легко, и ничего не надо было рассчитывать, потому что от людей, которые ее окружали, или просто встречались ей,

или могли встретиться, невозможно было ожидать зла.

А теперь и это изменилось, и, может быть, изме нилось навсегда.

Широкий взглянул на Нэлу — ей показалось, что он прочитал ее мысли, хотя это вряд ли могло быть так, он не производил впечатления проницатель ного человека — и протянул ей стакан с водкой, ска зав:

— Давай одним духом. Я после тебя. А то посуды больше нету.

Водочный запах оказался таким едким, что, ко гда Нэла поднесла стакан ко рту — а зачем под несла, пить собралась, что ли? — у нее защипало

глаза. Она покачала головой и вернула стакан широ кому.

— Брезгует, — усмехнулся второй, Петро. — А вот зря…

Он произнес это таким зловещим тоном, что Нэле показалось, он хочет ее ударить. Конечно, этого не могло быть, с какой стати он стал бы этого

хотеть? И все-таки в его голосе, в его взгляде испод лобья она увидела ненависть, необъяснимую нена висть к ней, к совершенно незнакомому человеку, к девчонке. Да, Нэла вдруг перестала чувствовать себя взрослой, как это было всегда, сколько она себя помнила, а поняла, что она просто беспомощ ная девчонка, которая непонятно почему оказалась в каком-то дальнем и укромном углу корабля наедине с пьяными — только теперь она заметила, что за скрученным канатом лежит еще одна водоч ная бутылка, уже пустая, — и что им, пьяным, в го лову взбредет, во что выльется их непонятная к ней ненависть, предвидеть невозможно.

Нэла снова попыталась встать, но Петро держал ее за руку крепко. Свободной рукой он опрокинул в рот водку, поставил пустой стакан на полотенце, взял пирожок и, морщась, сказал с необъяснимой своей ненавистью:

— Налепили французики хрен знает чего! У нас пельмени больше, чем ихние пироги.